

РОГАТЫЕ ЛОСИ ТОМСКИХ ПИСАНИЦ

И. В. Ковтун, И. Д. Русакова

HORNED ELKS IN THE TOM PETROGLYPHS

I. V. Kovtun, I. D. Rusakova

Работа посвящена оригинальным рогатым лосям Томской писаницы. Реконструируется семантический план рисунков лосей с тринадцатью роговыми отростками.

The paper deals with the original horned elks in the Tom petroglyphs. The semantic plan of drawings of elks with thirteen horn branches is reconstructed.

Ключевые слова: лось, Томская писаница, семантика.

Ключевые слова: elk, Tomskya pisanitsa, semantics.

Микалентное копирование и повторные прорисовки изображений Томской писаницы [22, с. 356 – 357 и др.], а равно других нижнетомских петроглифических местонахождений [21, с. 352-354] позволили уточнить детали известных и выявить ранее неизвестные рисунки этих памятников. К числу последних относятся и редко встречающиеся на нижнетомских писаницах изображения рогатых лосей.

Подавляющее большинство таких изображений зафиксировано на Томской писанице (таблица I, 1-4, 6-8) и только одно изображение лося со схематичными рогами известно на Новоромановской писанице (таблица I, 5).

На правом (от наблюдателя) фрагменте шестой плоскости Томской писаницы запечатлена геометризованная фигура рогатого лося, расположенного в окружении лосих и неоконтуренной личины, выбитой под мордой зверя. Шея лося орнаментирована одной продольной и четырьмя стреловидными расходящимися от неё полосами. Тщательно выполненный один рог лося состоит из ствола, лопаты и тринадцати отростков (таблица I, 4). Данное изображение выбито по контуру лосиной фигуры нарисованной охрой бордового цвета.

На Томской писанице известен ещё один геометризованный рисунок сохатого с тринадцатью роговыми отростками, стилистически близкий вышеописанному экземпляру (таблица I, 1).

В большинстве популяций рога у лосей начинают отрастать с конца марта, в апреле (на северных территориях в мае), достигая максимума к июлю-августу, а сбрасывают они их в ноябре-январе [28, с. 12 – 15]. Поэтому в архаичных традициях лось с рогами ассоциировался с тёплым временем года, а без рогов – с зимой. Рога лося-олени представлялись метафорой несущих жизненное тепло солнечных лучей. А. В. Головнёв отмечает, что у ненцев «для оленевода символом лета является “рогатость” стада, зимы – “комолость”... нетрудно уловить связь между растущим солнцем и пробивающимися ростками новых рогов» [9, с. 317, 323]. Таким образом, ростом, ноской и сбрасыванием рогов лося/олени олицетворяются определённые сезонные периоды, а их последовательной совокупностью – календарный год в целом.

Стилизация парности рогов лосей Томской писаницы удостоверяет семантическую значимость иных количественно определённых элементов данных изображений, а именно: тринадцати тщательно прочерченных роговых отростков (таблица I, 1, 4), означавших особый тринадцатимесячный (эмболисмический) год.

Добавочный тринадцатый месяц года известен в древних лунно-солнечных календарных системах. Он позволял корректировать летосчисления и устранять нарастающую погрешность. Вставка тринадцатого месяца зафиксирована у шумеров, римлян, греков, вавилонян, евреев, китайцев, индусов, доисламских арабов и в Древней Руси [26, с. 56, 104 – 106, 117, 135; 3, с. 19; 14, с. 48 – 50, 119 – 120, 132, 135, 170 – 172, 183, 257].

Добавление раз в несколько лет тринадцатого месяца известно у самодийцев и угров. У ненцев это происходило в середине или к концу зимнего полугодия. В староненецкой традиции расчеты солнечно-лунного календаря соотносились с апрелем, за которым могли добавить тринадцатый месяц. Иногда эта операция приурочивалась к декабрю. Г. И. Пелих отмечала, что селькупский год состоял то из двенадцати, то из тринадцати месяцев. Год начинался в июле – августе, но из-за дополнительного тринадцатого месяца начало года не было точно определённым. По данным А. В. Головнёва, селькупы вставляли тринадцатый месяц на стыке двух полугодий: на рубеже года-лета и года-зимы, раз в несколько лет, прибавляя его к месяцу отлёта уток – сентябрю. У обских угров тринадцатый месяц раз в два-три года прибавлялся к декабрю [24, с. 107; 9, с. 297, 301, 306, 321, 330, 335, 366, 370].

У эвенов и эвенков был принят архаический тринадцатимесячный календарь. Интересно, что у майских эвенков отсчёт года начинался с темени, соответствовавшего его началу, «когда день начинает прибывать». Затем счёт спускался по левой стороне тела и, пройдя до последних суставов пальцев левой руки, переходил на подъём, начиная с «когтей» правой руки, и завершался на правом плече, соответствовавшему тринадцатому лунному месяцу [8, с. 79]. Подобная антропоморфизация летосчисления повторяется в ведийском движении по кругу прадакшины, вос-

производящем дугообразную траекторию дневного пути солнца по небосклону слева направо. Прадакшина означает ритуальное обхождение объекта – святыни, почитаемого человека или статуи божества по движению солнца, слева направо, т. е. «по часовой стрелке» [7, с. 333; 22, с. 202].

Примечательно, что и в ведийском календаре известен тринадцатимесячный год:

Седьмой из парнорождённых, говорят, рождён один,

А шестеро – близнецы, это риши, рождённые богами.

Желанные их (дни и ночи), распределённые по порядку,

Меняясь по форме, трясутся на (своём) месте.

[25, I. 164. 15].

«Парнорождённые» – это двенадцать месяцев, а непарнорождённый – тринадцатый месяц, трясущиеся на метафорической колеснице года [10, с. 647]. Аналогичная календарная символика зафиксирована и Атхарваведой:

Узнай это, о Савитар:

Шестеро близнецов, один рождён в одиночку

И они ищут участия в том,

Кто из них *один рождён в одиночку.*

[1, X. 8. 5].

Итак, шесть близнецных пар составляют двенадцать месяцев, а «рождённый в одиночку» – это дополнительный тринадцатый месяц ведийского года [11, с. 252].

В Ригведе мотив тринадцатого месяца связывается с Варуной и присутствует в гимне, обращённом к этому божееству:

Знает тот, чей завет крепок, двенадцать

Месяцев с (их) потомством.

Он знает (того), *кто рождается в придачу.*

[25, I. 25. 8].

Как и в Атхарваведе, здесь тот, «кто рождается в придачу», – это тринадцатый месяц по лунному календарю [10, с. 557], являющийся частью поддерживаемого Варуной миропорядка.

В Каушитаке Брахмане значимость тринадцатого месяца подчёркивается его уподоблением целому году: «По величине год таков, каков этот тринадцатый месяц; поэтому уже здесь весь год достигается (схватывается, делается доступным)» [13, с. 109]. Такое сравнение представляется эвфемизмом стыка Старого и Нового Года с приуроченными к этому времени новогодними ритуалами особого эмболисмического года.

Тринадцатый месяц представляется и фрагментарным реликтом индоарийско-угорских связей. Мансийское представление о разновидностях змей неявно уподобляет их двенадцати месяцам года, а особая тринадцатая змея – «чёрная», при первом весеннем солнце выползает по насту: «Пород змей всего двенадцать и одна чёрная. Она не собирается с другими, а ложится на зиму где-нибудь на кочке, так, что при первом солнце оживает и бежит по насту» [12, с. 45]. В образе «бегущей по насту» тринадцатой змеи угадывается инвариантный остаток архаичного пред-

ставления о времени вставки дополнительного месяца – «тринадцатой змеи», приуроченной к первому насту, а астрономически – к весеннему равноденствию [18, с. 108].

Показательна констатированная Ригведой причастность Варуны к тринадцатому месяцу, прямое отношение к которому имеет демиург и верховное божество Неба обских угров Нуми-Торум. Он упоминается в календарных ритуалах не менее трёх раз в году: дважды в составе божественного трио – Неба, Земли и Подземелья, и единожды отдельно. Именно последний случай связан с названием *тринадцатого месяца*, именуемого казымскими хантами «Торум-ишки», добавляемого на стыке декабря и января [9, с. 370, 374]. Параллелизм календарных прерогатив ведийского Варуны и обско-угорского Нуми-Торума очевиден. Оба божества являются гарантами троичного мироустройства, и оба они единолично причастны к подерживающему календарный баланс добавочному тринадцатому месяцу [18, с. 109, и др.].

Символизация особого тринадцатимесячного года равновеликим количеством роговых отростков лосей Томской писаницы сочетается с орнаментально-знаковыми идеограммами, выбитыми на шее и передней части корпуса сохатых. У некоторых сибирских аборигенов подобные орнаментальные композиции означали посвящённое жертвенное животное. Предназначенный для Нижнего духа Ильта-мувен-ики и других духов жертвенный олень в хантыйском ритуале, посвящённом угасанию солнца и переходу к холодному времени года на августовском празднике тёмной дороги, *отмечен знаком из семи полос* – семиступенчатым *сахэ* на левой лопатке [9, с. 359, 566].

Олени эвенков, посвящённые духу-хозяину Верхнего мира, назывались «божий олень» или «небесный олень»: «В день камланья по указанию шамана убивали жертвенного оленя и вешали его шкуру на *сэргэ*. Затем шаман подводил посвящаемого оленя к *сэргэ*, привязывал его к нему, *мазал кровью жертвенного оленя, делая полосы вдоль хребта и поперёк его*, и оставлял оленя привязанным в течение всего камланья» [6, с. 170, 178].

Таким образом, олицетворявшие наступление тринадцатимесячного года лоси Томской писаницы с тринадцатью роговыми отростками, посредством орнаментальных рисунков на шее и корпусе символизировали ещё и приуроченное к этому событию жертвоприношение.

Данное смысловое значение удостоверяется особенностью одного из вышеуказанных персонажей, выбитого по контуру лосиной фигуры, нарисованной охрой бордового цвета (табл. I, 4). Рядом с этим «палimpsестом» зафиксированы остатки ещё двух рисунков лосей, выполненных бордовой охрой. Цвет всех трёх, рисованных охрой животных, также представляется символизацией кровавого жертвоприношения приуроченного к наступлению главного – тринадцатимесячного года.

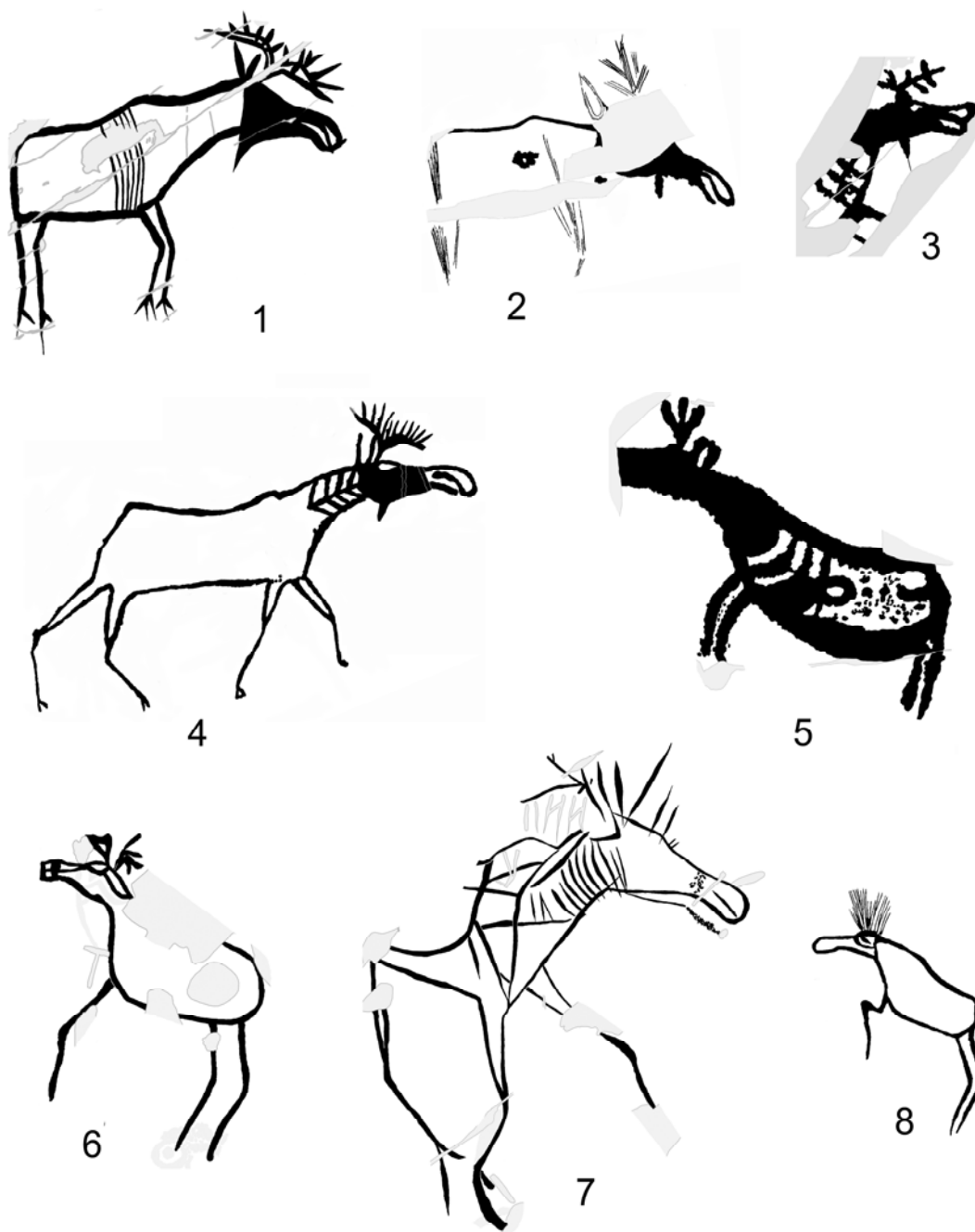
С новогодним жертвоприношением – ашвамедхой связывают наступление тринадцатимесячного года и поздневедийские источники. Шатапатха-Брахмана уподобляет длину конской узды для ашвамедхи три-

надцатимесячному году: «В отношении этого существа вопрос: “Делать ли узду 12 локтей в длину, или 13 локтей в длину?” Что ж, *тот год являлся самым главным из всех, как бык среди зверей*, и тринадцатый (или вставленный) месяц, для согласования календаря с солнечным годом, – его своеобразный нарост; так и

эта Ашвамедха является главной среди остальных жертвоприношений, и поскольку у быка есть (горб) (*иначе = нарост. – И. К.*), можно добавить тринадцатый локоть к узде, словно нарост к этой (Ашвамедхе): даже если нарост находится на спине быка, будет так» [29, XIII. 1. 2. 2].

Таблица I

1 – Томская писаница, плоскость 8, прорисовка с фотографии начала XX века; 2, 4 – Томская писаница, плоскость 6; 3 – Томская писаница, плоскость 8; 5 – Новоромановская писаница; 6 – 8 – Томская писаница, плоскость 3

Ведийскому жертвенному коню предшествовал образ лося / шарабхи – мифического зверя индоариев [18, с. 95 – 97]. Параллелизм ведийского *śarabhā* и угорского *sarp*, *šorp* или мансийского *šurp*, *šōrp* как обозначения лося [2, с. 28; 26, с. 147] удостоверяет лексические связи индоариев с уграми в ареале обитания этого животного, подтверждая, что прообразом шарабхи был лось [5, с. 105 и др.]. Поэтому тезис Б. Мункачи о соответствии ведийского слова «шарабха» названию лося у хантов и манси [5, с. 105 – 106] соотносит образ лося с мифическим зверем индоариев, а рассматриваемых лосей Томской писаницы – с идеей заклания *главной жертвы* в канун *главного тринадцатимесячного года*.

Вероятно, жертвоприношение лося с тринадцатью роговыми отростками – *главного среди зверей* в Западной Сибири (наряду с медведем), также приурочивалось к новогодней вставке дополнительного месяца олицетворявшего особый эмболисмический год.

Находки рогов лося в ритуальных, т. е. в погребальных или поминальных памятниках эпохи бронзы Кузнецкой котловины практически неизвестны. Но один такой, возможно единственный случай, связан с насыпкой двух захоронений андроновского кургана 11 Урского могильника, в каждом из которых находи-

лись деревянные статуарные конструкции и по одному рогу лося [15, с. 124, 130].

Помимо Томской писаницы в Нижнетомском очаге наскального искусства образ рогатого лося представлен только на Новоромановской писанице (таблица I, 5). Его рога схематичны, но орнаментация корпуса удостоверяет продолжение мифокалендарной традиции жертвоприношения животного. На полностью исследованном местонахождении Долгая-1 у Новоромановской писаницы [4, с. 215 – 216; 20, с. 84 – 87 и др.] обнаружены не рога, но причастная к ритуальным действиям серия костей ног нескольких лосиных особей [19, с. 64 – 86].

К какому времени следует отнести данное изображение? Один из древнейших комплексов нижнетомских петроглифов представлен изображениями самусьской изобразительной традиции [17, с. 103; 18, с. 288; 19, с. 31 – 35, 111 – 121]. Но образ лося не входит в состав реконструируемого ритуально-обрядового самусьского бестиария. Судя же по стилистическим, и схематическим признакам предполагаемый хронологический диапазон данного рисунка укладывается в период от эпохи поздней бронзы до раннего железного века.

Литература

1. Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. Кн. VIII – XII. 293 с.
2. Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс, 1976. 411 с.
3. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975. 336 с.
4. Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV.
5. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. доп. и испр. М.: Мысль, 1983. 206 с.
6. Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XVII.
7. Васильков Я. В. Прадакшина // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М.: Республика, 1996.
8. Вртанесян Г. С. Календарные мифы тунгусоязычных народов // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012.
9. Головинёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
10. Елизаренкова Т. Я. Примечания // Ригведа. Мандалы. I – IV. Приложения. М.: Наука, 1989.
11. Елизаренкова Т. Я. Комментарий // Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. Кн. VIII – XII.
12. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
13. Кейпер Ф. Б. Я. Три шага Вишну // Труды по ведийской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986.
14. Климишин И. А. Календарь и хронология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1985. 320 с.
15. Ковтун И. В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф. И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994.

16. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири: (Нижнее Притомье и сопредельные регионы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 21 с.
17. Ковтун И. В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3(35).
18. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
19. Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014. 171 с.
20. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. Кемерово: ИП Скобликов, 2010. Вып. 2.
21. Ковтун И. В., Русакова И. Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, часть I. – С. 352-354.
22. Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I.
23. Невелева С. Л. Эпическая ашвамедха // Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня. СПб.: Наука, 2003.
24. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 424 с.
25. Ригведа. Мандалы I-IV. М.: Наука, 1989. 767 с.
26. Селешников С. И. История календаря и хронология. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1970. 224 с.
27. Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1-2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981.
28. Филонов К. П. Лось. М.: Лесная промышленность, 1983. 246 с.
29. The Satapatha-Brāhmaṇa. According to the text of the Mādhyandina school. Translated by Julius Eggeling. Part V. Books XI, XII, XIII, and XIV // The sacred books of the east. Translated by various oriental scholars and edited by F. Max Müller. Oxford: At the clarendon press, 1900. Vol. XLIV. 596 + 8 p.

Информация об авторах:

Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией ФГБУН Института экологии человека СО РАН, ivkovtun@mail.ru.

Igor V. Kovtun – Doctor of History. Head of the Archaeological Laboratory, Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

Русакова Ирина Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории ФГБУН Института экологии человека СО РАН, mirnes@mail.ru.

Irina D. Rusakova – Candidate of History, Research Associate at the Archaeological Laboratory, Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2014 г.